

Из избранного круга классиков

Композитору Георгию Свиридову — 80 лет

Век. — 1995. — 14 дек. — с. 11

Андрей ЗОЛотов,
заслуженный деятель
искусств России, академик
Академии творчества

Из русской глубины XX столетия вознесся — и звучит, и услышан — Голос свиридовской музыки.

Голос сей одолел условные пределы концертных залов. Раздвинул пределы искусства. Обрел совершенно свой исторический Звуколик.

Сокрушающую правду о жизни и людях, объятых стихией потрясений, исторгла свиридовская музыка.

Неслыханная красота поэзии земного существования и живая, трепетная, благодатная вера явились в ней новым художественным преображением.

Свиридову оказалась дарована недостижимая возвышенная ясность языка. Неповторимая интонация, воспринятая людьми. Чудесная сила вдохновения.

Он оказался неожиданно своим — на своем, уготованном именно ему месте, в своем художественном пространстве — в историческом великом ряду русских классиков девятнадцатого—двадцатого столетий: Глинка — Балакирев — Бородин — Мусоргский — Римский-Корсаков — Чайковский — Скрябин — Рахманинов — Лядов — Стравинский — Прокофьев — Шостакович.

Он вошел в избранный круг новых классиков мирового искусства, символизирующих пики XX века в музыке: Дебюсси, Яначек, Барток, Орф, Хиндемит, Мессиан, Сибелиус. И снова Прокофьев, Стравинский, Шостакович.

Свиридов сказал свое Слово в музыке. И оно оказалось поистине новым Словом. Свободным от временных установок профессиональной среды. Гармонически природным. Оказалось новой, исторгнутой горячим сердцем Мелодией.

В музыке Георгия Васильевича Свиридова — двадцати-, пятидесяти- и восьмидесятилетнее — люди всякий раз обретают себя в чистоте, жизненной и духовной силе.

В музыке Свиридова — обнимающая пространство земли и неба душа русского человека... Люди проникаются его музы-

кой естественно. Однажды услышанная, она остается частью их существа. Такой же неосознаваемой, но ощущаемой вечно, как воздух Родины, как дым Отечества.

Трудно представить, что когда-то ее не было.

Свиридов пишет просто, лаконично и строго. В его музы-

кость. Он таков по природе своей. Он композитор Божией милостью...

Свиридов стремится к правдивости мелодии, созданной из речи. Это один из главных его принципов. Он создает музыку, столь глубоко проникающую в слово, что кажется — это та самая «внутренняя музыка», в

фоническая поэма «Памяти Сергея Есенина»); национальную стихию Маяковского, а не одну только революционную («Патетическая оратория»); глубочайшую народность «туманного» Блока («Петербургские песни», «Голос из хора», «Ночные облака»); надмирность и всеобщность «индивидуально-

после всего изумительного разнообразия прежде созданных великолепных мотивов он умеет пойти еще дальше, сделать еще шаг вперед и чудно скульпторскою рукою вылепить такие типы и сцены, которых до него никто не знал. Признаюсь, я незаметно для себя «включил» здесь в текст, обращенный к Свиридову, некоторые стасовские характеристики Льва Толстого (газета «Новое время», май 1877, письмо к редактору «По поводу графа Льва Толстого» — так все сошлось! Так совпало и соединилось... — А. З.).

Владимир Васильевич Стасов в работе «Двадцать пять лет русского искусства. Наша скульптура» (глава I) оставил такое ценное наблюдение:

«Не в одном только таланте состоит все дело в искусстве; для него есть что-то такое, чего не заставит забыть, чего не заменит никакой талант, никакое мастерство, никакая виртуозность, что-то такое, без чего все они мертвы и ничтожны будут: это — здоровое, светлое, прямое чувство, мысль, понятие жизни».

Искусству Свиридова в полной мере присуще это здоровое, светлое, прямое чувство, мысль и понятие жизни.

Минувшее, грядущее и сегодняшнее в круге неизменно обновляющейся вечности составляют свиридовское «понятие жизни» и повелительно определяют его «понятие искусства». Если угодно — «чистого искусства». Здесь глубокая психологическая достоверность переживаний, выраженных своим художественным языком, в своей эстетике образов и с неподражаемой композиционной экспрессией (в некотором смысле «антидинамической», отвергающей поверхностные «нервные колебания» и «столкновения» темпов быстрых и медленных, звучностей тихих и громких).

Здесь вся сочинительская технология полностью погружена в «океан-море синее» чистой музыки, колеблемый могучим авторским темпераментом и свежими ветрами самотворящих энергий непредсказуемой авторской фантазии.

В свиридовском чистом искусстве оказались магически сплавлены исторически досто-

верная бесконечная живая реальность, поэтическая стилизация реальности (новоромантический образ былых реальностей) и символизация реальности, ее вознесение и возведение в сан духовного переживания и длящегося духовного действия...

История отечественного и мирового искусства подсказывает не так уж мало примеров, когда в противовес распаду жизни, ломке укладов в человеческих отношениях и в искусстве время выдвигало художников, которые силой своего гения пытались сказать новое слово во имя будущего и с мыслью о всем прожитом периоде человеческого развития противостоять тенденциям распада.

Эти художники впитывали в себя бури эпохи, но умели отразить их глубоко и исторично, цельно, художественно обобщенно, мощно. И сейчас мы удивляемся простоте и правде, которая угадывается нами в цельности формы, мощности чувства, заключенных в их творениях. Запечатление современности в искусстве не ограничивается и не может ограничиться одной лишь, пусть великолепно «подвижной», передачей внешне проявляющихся колебаний времени, которые не есть еще движение времени. Великое искусство не может ограничиться ролью некоего «осциллографа», на экране которого выписывается кривая временных колебаний.

И наше время выдвинуло художников исключительной цельности, рожденных в эпоху великих потрясений. Свиридов — среди них.

...Мне иногда снится все еще не исполненная, слышанная уже много лет назад в необыкновенно впечатляющем авторском исполнении (он пел и аккомпанировал себе на рояле) кантата на стихи раннего Есенина «Светлый гость».

Есть там такие строки: «Близок час преображенья, он придет к нам, Светлый гость...»

В ожидании часа преображенья будем обращаться к большому искусству нашего Отечества. Будем обращаться к Свиридову.

Пусть парит его «звук привычный, звук живой»

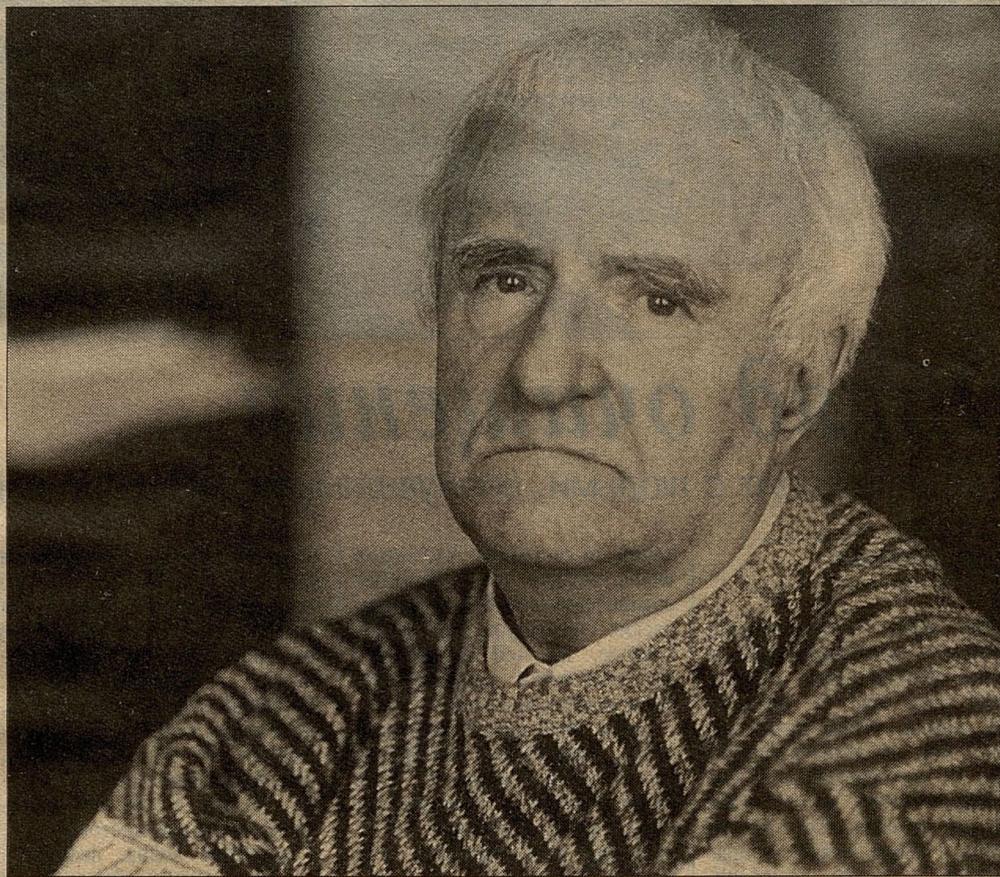

фото ИТАР-ТАСС

ке, как сказал в связи с «Курскими песнями» Дмитрий Шостакович, «нот мало, а музыки очень много».

Строгость Свиридова идет от шедности. Его простота — это высокая благородная простота. За ней многосложная правда жизни и художественная правда, что — по слову Мусоргского — «не терпит предвзятых форм».

А форма органическая, естественная, присущая воссоздаваемому жизненному явлению, и при этом индивидуальная, своя, не бывшая до того ни у кого из художников — редкость! Заманчивая мечта! Сладостный мираж!

Но у Свиридова это дан-

которой рождены поэтом стихи.

Музыка Свиридова неотделима от стихов и являет собой совершенную форму: принимая в себя поэтическое слово, она несет это слово.

С музыкой Свиридова стихи становятся в чем-то иными. В них открываются новые звучащие качества...

Его музыка оказала непосредственное влияние на жизнь русской поэзии в ее великих проявлениях. Музыка Свиридова оказалась конгенитальной Пушкину (юношеский цикл из шести романсов; хоровой концерт «Пушкинский венок»; симфоническая сюита «Метель»). Она открыла симфоничность Есенина (вокально-сим-

фоническая поэма «Снег идет»).

Музыка Свиридова — явление национальное. Тема России в символическом значении пронизывает все творчество Свиридова как сокровенная идея...

Шедевры Свиридова могут равняться с самыми высшими созданиями русской литературы и поэзии. Какая сила и красота творчества разлиты в его «Поэмах» и «Песнях», кантатах и хоровых концертах, симфонических и фортепианных циклах! Какая чудная мощь художественной правды! Какие тут нетронутые глубины впервые затрагиваются! Вот что значит истинный, настоящий талант: он идет все только вперед, и